947.08
Г-19

Т. Гажжулевичъ.

ДОСТОЕВСКІЙ и ГЕРЦЕНЪ

ВЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ.

RXIX
Г19

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Цѣна [illegible].

947.08
Г-19

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
[illegible]ьная" Типо-Литографія М. Я. Минкова, 3 Рождеств., 26.
1907.

~~19182~~

1 24 Г.

Т. Гажулевичъ.

ЭК

ДОСТОЕВСКІЙ и ГЕРЦЕНЪ

ВЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО САМОСОЗНАНІЯ.

R XIX
Г19
19866
947.08
Г19
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки
Московская Центральная
Публичная Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Центральная“ Типо-Литографія М. Я. Минкова, 3 Рождеств.,
1907.

Достоевскій и Герценъ въ исторіи русскаго самосознанія.

Самосознаніе главный элементъ человѣческой жизни; оно необходимо какъ для отдѣльной личности, такъ и для цѣлаго народа, потому что только съ него начинается дѣйственное вхожденіе ихъ въ жизнь. Такъ древнимъ грекамъ для того, чтобы сыграть свою культурную міровую роль въ исторіи, пришлось предварительно сознать свои національныя особенности и, отдѣливъ себя отъ варварскаго міра названіемъ эллиновъ, вступить съ нимъ въ борьбу, которая вела къ дальнѣйшему уясненію ихъ положенія и исторической роли; такъ и римляне начали свою исторію съ сознанія высокаго достоинства римлянина, призваннаго воспринять культуру падающаго греческаго міра и явиться ея хранителемъ и продолжателемъ. Можно сказать, что самая исторія народа—это есть исторія его самосознанія и чѣмъ шире, чѣмъ богаче оно развивается, тѣмъ могущественнѣе рисуется намъ міровая роль этого народа, тѣмъ больше вноситъ онъ въ общечеловѣческую сокровищницу своихъ даровъ. Поэтому понятно, что имена тѣхъ, кто шелъ впереди народнаго самосознанія, формулируя и уясняя его другимъ, — должны быть на такихъ же равныхъ правахъ записаны на страницахъ исторіи народа, какъ и имена его великихъ героевъ, полководцевъ и реформаторовъ.

Съ этой стороны исторія литературы народной является въ то же время и гражданской исторіей, а Гете, Шиллеръ и Шекспиръ такими же дѣятелями ея, какъ Александръ Македонскій, Петръ В. и т. п. Но на ряду съ всемірными именами какъ та, такъ и другая исторія имѣетъ своихъ національныхъ героевъ и вожаковъ, близко подошедшихъ къ индивидуальнымъ чертамъ народа и отразившихъ ихъ въ своемъ характерѣ, въ своемъ словѣ. Къ такимъ именамъ въ исторіи литературы русской принадлежатъ Герценъ и Достоевскій, вознесшіе уясненіе національныхъ особенностей до вклада ихъ въ всемірную сокровищницу

идей, которая въ своемъ цѣломъ является можетъ быть дрожжами великаго будущаго синтеза, всечеловѣческаго единенія на почвѣ духа. Сами по себѣ въ своей двойственности, въ своемъ противорѣчіи другъ другу, какъ представители двухъ противоположныхъ, враждебныхъ другъ другу лагерей,—они характерное явленіе русской общественной жизни, расколотой на двое у самаго своего основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характерные выразители двухъ сторонъ русскаго самосознанія:—одной клонящейся къ западу и къ исторической миссіи именно въ немъ, другой—къ востоку и разработкѣ новой площади на всемірной сценѣ со всѣми присущими народу его особенностями. Но, какъ это ни странно, а наше западничество и славянофильство объединяла одна лелѣямая ими мысль, одними высказываемая ясно и открыто, другими затаенная въ ихъ великомъ смиреніи передъ Западомъ, но порой прорывающаяся съ такой же силой — это вѣра въ какое-то особенное предназначеніе русскаго народа, въ какую то особенную его историческую роль. Достоевскій указываетъ на общечеловѣческую основу подобной черты: «всякій великій народъ, пишетъ онъ въ «Дневникѣ писателя»*), вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной» (19). Особенность же русскаго народа онъ видитъ даже въ петровской реформѣ, въ «разсширеніи взгляда», принесенномъ ею. «Это», пишетъ Достоевскій, «не просвѣщеніе въ собственномъ смыслѣ слова и не наука, это и не измѣна тоже народнымъ русскимъ началамъ, во имя европейской цивилизаціи нѣтъ, это именно одному лишь народу русскому свойственное; ибо подобной реформы нигдѣ и никогда не было. Это дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ, почти братская любовь наша къ другимъ народамъ, выжитая нами въ полтора вѣка общенія съ ними; это потребность наша всеслуженія человѣчеству, даже въ ущербъ иногда собственнымъ и крупнымъ ближайшимъ интересамъ, это примиреніе наше съ ихъ цивилизаціей, познаніе и *извиненіе* ихъ идеаловъ, хотя бы они и не ладили съ нашими, это нажитая нами способность въ каждой изъ европейскихъ цивилизацій, или, вѣрнѣе, въ каждой изъ европейскихъ личностей открывать и находить заключающуюся въ ней истину, не смотря даже на многое, съ чѣмъ нельзя согласиться. Это, нако-

*) 1877 г.

нецъ, потребность быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины». Въ петровской же реформѣ видитъ Достоевскій и приложеніе нашей драгоцѣнности—православія—къ «всеслуженію человѣчеству». «Станемъ всѣмъ слугами для всеобщаго примиренія»—вотъ любимая идея Достоевскаго, влагаемая имъ въ любимый народъ.

Ту-же вѣру въ особое предназначеніе русскаго народа высказываетъ и Герценъ, предшественникъ Достоевскаго по времени, но современный ему по теченіямъ русской общественной мысли, волна которой докатилась еще и до Достоевскаго. Но не смиреніе славянофила, а гордость западника, смиренно склоняющимся только передъ *прошлымъ* Европы съ накопленными въ немъ богатствами, звучитъ въ словахъ Герцена, соединяющаго свою вѣру въ Россію съ вѣрой въ соціализмъ: «Дѣйствительно если соціализмъ будетъ въ состояніи пересоздать распадающее общество и довершить его судьбы—Россія довершитъ ихъ. Я не говорю, что это необходимо, но это возможно (311). Соціализмъ и новый строй, по мнѣнію Герцена, призвана осуществить Россія, славянскій міръ, не имѣющая ничего общаго ни съ Азіей, ни съ Европой (306). Возвышаясь надъ общимъ положеніемъ западниковъ, что если русскіе принадлежатъ къ европейской семьѣ, то имъ предстоитъ та-же дорога и то-же развитіе, которое совершено романо-германскими народами, Герценъ возражаетъ: «но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого параграфа не имѣется». (402) Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ общности біографій. «Народъ русскій, продолжаетъ онъ дальше, широко раскинувшійся между Европой и Азіей, принадлежитъ какимъ-то двоюроднымъ братомъ въ общей семьѣ народовъ европейскихъ; онъ не принималъ почти никакого участія въ семейной хроникѣ Запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію или развить что-нибудь *свое* подъ вліяніемъ былого и заимствованнаго сосѣдняго примѣра и своего угла отраженія» (403). «По мѣрѣ того, говоритъ Герценъ, когда я утрачивалъ вѣру въ романо-германскую Европу, вѣра въ Россію снова возрождалась». Въ общинномъ бытѣ Россіи онъ видѣлъ излюбленныя имъ начала соціализма и коммунизма, это намеки, дающіе право, по его мнѣнію, «дѣлать высокое заключеніе о будущемъ Россіи».

Такимъ образомъ два русскихъ публициста подходили къ будущему своего народа, вѣря въ его силы, въ его особое предназначеніе, каждый съ своей точки зрѣнія: Достоевскій видѣлъ это особое предназначеніе въ характерѣ народа русскаго, въ его

способности всеслуженія и началахъ православія, проникнувшихъ всю его жизнь; Герценъ—въ его соціальной роли, въ началахъ коммунистическихъ. Достоевскій стоялъ ближе къ духу народа, Герценъ ближе къ его политической жизни, но тотъ и другой сходились въ указаніи на конечную цѣль этого предназначенія, видя ее въ всечеловѣческомъ единеніи, къ которому по мнѣнію Достоевскаго сердце русское наиболѣе способно. «Да вѣдь именно потому то онъ и русскій въ высшей степени, говоритъ Достоевскій о Рудинѣ, что дѣло, за которое онъ умиралъ въ Парижѣ ему вовсе было не столь постороннимъ—какъ было-бы англичанину или нѣмцу,—ибо дѣло европейское, міровое, всечеловѣческое, давно уже не посторонее русскому человѣку» (439) *). Важно здѣсь то, что во взглядѣ на эту конечную цѣль особаго предназначенія русскаго народа Достоевскій и Герценъ сошлись не какъ отдѣльныя личности, поднявшіяся надъ партійной средой, а именно какъ представители двухъ теченій славянофильства и западничества, протягивающихъ въ этомъ другъ другу руки. И съ этой стороны характерно признаніе Грановскаго, съ такимъ восторгомъ выписываемое Герценомъ: «Мы», говоритъ онъ, «вступаемъ въ общеніе» съ Европой не во имя ея частныхъ интересовъ, а во имя великой *общечеловѣческой* среды, къ которой стремится она и мы: наше сочувствіе есть собственно предчувствіе грядущаго, которое равно распуститъ въ себѣ все исключительное, романо-германское-ли или славянское оно» (144 т. 6-й Герценъ).

Другая общая черта во взглядахъ славянофильства и западничества, отмѣченная Герценомъ и Достоевскимъ, какъ принадлежащая имъ лично—это ихъ вѣра въ народъ при сравнительно пессемистическомъ взглядѣ на интеллигенцію. «Я», говоритъ Достоевскій лишь за народъ стою прежде всего, въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ,—какъ въ святыню вѣрую, главное въ ихъ спасительное назначеніе, въ великій, народный охранительный и зиждительный духъ, и жажду лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ. Только что узрятъ, тотчасъ начнутъ понимать и все остальное». (189 **). Очевидно въ это же и особенно въ послѣднее вѣритъ и Герценъ: не даромъ онъ упрекаетъ славянофиловъ, что они за дымомъ своего ладона не дали имъ, западникамъ, разглядѣть народъ русскій, основы его быта. Съ этой ошибкой Герценъ считался впослѣдствіи и ни-она ли при-

*) «Д. П.» 1880 г.
**) «Д. П.» 1881 г.

вела его къ той чертѣ воззрѣній на Россію и ея будущее, на которой онъ становился ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ западникамъ?

И если бы не раціонализмъ, отталкивающій Герцена отъ всего того, что казалось ему мистикой въ славянофильствѣ, западникамъ не пришлось бы внести въ свой списокъ имя человѣка когда то близкаго имъ, но потомъ вышедшаго изъ ихъ узкихъ рамокъ на путь свободнаго изслѣдованія и самоопредѣленія. «Человѣкъ будущаго въ Россіи мужикъ, какъ во Франціи рабочій», говоритъ Герценъ, и этого то мужика противопоставляетъ онъ измотавшейся, невѣрующей въ свои силы русской интеллигенціи, тянущейся къ разшатанному, ждущему обновленія Западу и за пылью его развалинъ не видящей, что творится у себя.

«Отрекаясь отъ всего склада жизни народной, пишетъ Герценъ объ одной части этой интеллигенціи», дворянство упорно сохранило всѣ дурныя ея стороны, бросая за бортъ вмѣстѣ съ предразсудками строгій чинъ и строй народнаго быта, оно осталось при всѣхъ грубо-барскихъ привычкахъ и при всемъ татарскомъ неуваженіи къ себѣ и къ другимъ» (382). «И замѣтьте, проповѣдники не изъ народа, а изъ школы, изъ книгъ, изъ литературы, говоритъ Герценъ о другой части—жившіе въ отвлеченностяхъ, старые студенты—они ушли отъ народа дальше, чѣмъ его враги. Попъ и аристократъ, полицейскій и купецъ, хозяинъ и солдатъ, имѣютъ больше прямыхъ связей съ массами, чѣмъ они. Оттого то они и полагаютъ возможнымъ начать экономическій переворотъ съ tabula rasa, съ выжиганія до тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле это со своими полосами и плевелами составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утѣшеніе» (450.) «Не чудо ли, говоритъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ, что въ продолженіи полутора вѣковъ мы не имѣли никакого понятія о русскомъ народѣ... были люди, знавшіе русскую исторію, но русскаго народа не зналъ ни одинъ человѣкъ» (т. 6, 229). «За собственнымъ шумомъ и собственными рѣчами», продолжаетъ онъ дальше, «добрые квартальные правъ человѣческихъ и Петры I-е свободы, равенства и братства, долго не слыхали, что говоритъ государь-народъ, потомъ разсердились за навоуходоносоровскій матеріализмъ его... однако и тутъ не спросили, въ чемъ дѣло.

Они были убѣждены, что лучше народъ поучать, чѣмъ учиться у него, что лучше ломать, чѣмъ строить, что лучше писать

у себя въ кабинетѣ счетъ безъ хозяина, чѣмъ спрашивать у него» (239). «Мы», говоритъ Герценъ объ этой интеллигенціи, «легко привыкаемъ къ умственной лѣни, къ шаблонамъ и нормамъ, къ исторической алгебрѣ; алгебра эта составлена по 3-мъ типамъ: по англійскому, французскому и нѣмецкому» (73). И народъ не довѣряетъ подобнымъ устроителямъ жизни его, а вмѣстѣ съ ними не довѣряетъ всему благородному и честному въ средѣ интеллигенціи, ставя эту часть ея въ невыносимо тяжелое положеніе, на которое и жалуется Герценъ. «Барству, чиновничеству, говоритъ онъ, мы не хотимъ протянуть руки, да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго, а православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать, если не въ открытой войнѣ, въ которой онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и не довѣряетъ, нисколько не довѣряетъ; я это испытываю очень часто; когда онъ видитъ простой разсчетъ дѣло другое, но когда не изъ разсчета, а просто изъ доброжелательства что нибудь сдѣлать,—онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ (14 стр., т. VI). Этотъ, наблюдаемый всюду, разрывъ русской интеллигенціи съ русскимъ народомъ не былъ по мнѣнію Герцена слѣдствіемъ исторической жизни, какъ на Западѣ а сдѣланъ былъ насильственно съ педагогической цѣлью. Не имѣя балласта народнаго населенія, образованное меньшинство, разорвавшее съ нимъ, «понеслось, какъ порожняя телѣга, быстро догоняя западное движеніе». Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ меньшинствѣ развился взглядъ на народъ, «какъ на грубую массу, которую надо еще очеловѣчить».—Отсюда презрѣніе со стороны однихъ, состраданіе и *покровительство*—другихъ. О близости къ народу, о проникновеніи его духомъ, уваженіи къ его коллективной личности нечего было, конечно, и говорить. Процессъ раздвоенія русской жизни подмѣченъ Герценомъ въ данномъ случаѣ въ самомъ корнѣ. Съ горечью подходитъ къ нему и Достоевскій... «для меня, говоритъ онъ, почти аксіома, что всѣ наши русскія разъединенія и обособленія основались, съ самаго ихъ начала, на однихъ лишь недоумѣніяхъ и даже самыхъ грубѣйшихъ, и что въ нихъ нѣтъ ничего существеннаго (104) *). На подобныя недоразумѣнія Достоевскій неоднократно указывалъ въ «Дневникѣ Писателя». «Если разобрать всѣ воззрѣнія нашей европействующей интеллигенціи, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей, «то ничего болѣе враждебнаго здоровому,

*) Д. П. 1876 г.

правильному и самостоятельному развитію русскаго народа нельзя и придумать. И все это въ самой полной сердечной невинности. О, вѣдь и они любятъ народъ, но... по своему» (404) *) «Въ народѣ русскомъ, замѣчаетъ Достоевскій, мы попрежнему видимъ лишь косную массу, у которой намъ нечему учиться, тормозящую, напротивъ, развитіе Россіи къ прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и передѣлать,—если ужъ невозможно и нельзя органически, то, по крайней мѣрѣ. механически, т. е. по просту заставить ее разъ навсегда слушаться, во вѣки вѣковъ». Для достиженія этого послушанія, по словамъ Достоевскаго, рекомендуется «гражданское устройство точь въ точь какъ въ европейскихъ земляхъ». Но далеко не всѣ изъ русской интеллигенціи успокаиваются на этомъ выводѣ, Великій психологъ прекрасно зналъ это и отмѣтилъ въ своей рѣчи на пушкинскомъ празднествѣ мятущійся духъ русской интеллигенціи, назвавъ вѣчными скитальцами лучшихъ представителей ея въ лицѣ Онѣгина, Алеко. «Типъ этотъ вѣрный», говоритъ Достоевскій, и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго въ нашей землѣ поселившійся» (419 *). Характерной чертой его Достоевскій признаетъ необходимость всемірнаго счастья для того, чтобы успокоиться; «дешевле онъ не примирится» (419). Возставая противъ идеализаціи этого типа Градовскимъ, Достоевскій говоритъ, что «они почвы не знали, росли и воспитывались по-институтски, Россію узнавали въ Петербургѣ на службѣ *), съ народомъ были въ отношеніяхъ барина къ крѣпостному». «Алеко и Онѣгинъ, продолжаетъ Достоевскій, къ Россіи были высокомѣрны и нетерпѣливы, какъ всѣ люди, живущіе отъ народа отдѣльной кучкой на всемъ готовомъ, т. е. на мужичьемъ трудѣ и на европейскомъ просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся». Бѣлоручки эти, всей исторической подготовкой оторванные отъ народной почвы, по мнѣнію Достоевскаго погибали не отъ Держимордъ, какъ говоритъ Грановскій, а отъ того, что не умѣли объяснить себѣ Держиморду и происхожденіе его. «Не умѣвъ же объяснить, скиталецъ не нашелъ возможности и работать на родной нивѣ». И не только передъ Держимордой былъ гордъ нашъ скиталецъ, но и передъ всей Россіей, ибо Россія, по его окончательному выводу, содержала въ себѣ только рабовъ да Держимордъ». Исключеніемъ были только они сами, Алеки и Онѣгины. Чувство къ мужику у нихъ

*) Д. П. 1876 г.

**) 1881 г. Самое появленіе «скитальцевъ» Достоевскій приписываетъ времени послѣпетровскому.

по замѣчанію Достоевскаго, «зачастую доходило до гадливости» и скорбь ихъ объ этомъ мужикѣ носила отвлеченно-міровой характеръ. «А вѣдь въ нихъ, говоритъ Достоевскій, «весьма и весьма можно ужиться, питаясь духовно созерцаніемъ своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну, а тѣлесно всетаки питаясь оброкомъ съ тѣхъ-же крестьянъ, да еще какъ питаясь-то»!.

Самое страшное на пути отношеній интеллигенціи къ народу по мнѣнію Достоевскаго, это возможность дойти опять до закрѣпощенія народнаго «хотя не прежнимъ крѣпостнымъ путемъ, такъ интеллигентной опекой и ея политическими послѣдствіями» (468).

Единственный выходъ изъ запутанныхъ и приближающихъ Россію къ великой опасности разъединенія и разложенія взаимоотношеній интеллигенціи и народа Достоевскій видитъ въ сліяніи сословій, въ томъ, чтобы «прежній помѣщикъ» сталъ «интеллигентнымъ народомъ». Путь къ этому сліянію Достоевскій указываетъ черезъ молодежь, которая такъ же ищетъ правды, какъ ищетъ ея и народъ. Но сліяніе интеллигенціи и народа должно, по мнѣнію Достоевскаго, произойти на равныхъ правахъ, основанныхъ на взаимномъ уваженіи другъ къ другу. «Гордый человѣкъ», интеллигентъ долженъ смириться передъ народной правдой, выслушать во первыхъ слово народа, а потомъ ужъ сказать свое, чтобы не запутаться самому и не запутать судьбы Россіи. «Пусть тутъ-же научимся и смиренію народному, и дѣловитости его, и реальности ума его, серьезности этого ума» (986). Но преклониться, по мнѣнію Достоевскаго, мы должны подъ однимъ лишь условіемъ: «чтобы народъ и отъ насъ принялъ многое изъ того, что мы принесли съ собой».

Шагъ къ этому должна сдѣлать интеллигенція, которая пойметъ наконецъ, что для сліянія съ народомъ необходимо полюбить не его коллективную личность,—этого еще далеко не достаточно,—а его идеалы, его вѣрованія. «Полюби не меня, а мое»,—вотъ съ чѣмъ обрашается, по мнѣнію Достоевскаго, народъ къ интеллигенціи, вотъ что ему важно, и, только проникнувшись любовью къ тому, что составляетъ духовное содержаніе жизни народа, интеллигенція примиритъ съ собою народъ. Выслушавъ народъ прежде всего «ничего не скажетъ тогда наша интеллигенція народу противорѣчиво, лишь облечетъ его истину въ научное слово и разовьетъ его во всю ширину своего образованія, ибо все-же вѣдь у ней наука или начала ея, а наука народу

страшно нужна» (487—8). Но въ то время, какъ Достоевскій съ такой вѣрой опирался на молодежь, находя въ ней родственные съ народомъ элементы, а слѣдовательно и возможность сыграть великую историческую роль примиренія и положить начало новой объединенной Россіи, Герценъ недовѣрчиво смотрѣлъ въ будущее и съ грустью отмѣчалъ непригодность выступающаго передъ нимъ молодого поколѣнія къ какой либо крупной роли въ общественной жизни страны. (Часть молодежи направленная этимъ же теченіемъ проходила и передъ Достоевскимъ и потому сопоставленіе взглядовъ ихъ особенно интересно).

«Въ нашемъ новомъ поколѣніи, говоритъ Герценъ, есть страшный кряжъ, въ немъ спаяны, какъ въ маятникахъ противорѣчивые элементы: съ одной стороны оно толкается какимъ то жестянымъ костлявымъ неукладчивымъ самолюбіемъ, заносчивой самонадѣянностью; съ другой, въ немъ поражаетъ обезукураженная подавленность, недовѣріе къ Россіи, преждевременное старчество. Это естественный результатъ рабства; въ немъ въ самой формѣ сохранилась наглость начальника, дерзость барина, съ подавленностью подчиненнаго, съ отчаяніемъ ревизской души, отпускаемой въ услуженіе» (331 т. III). Ждать отъ этого поколѣнія сліянія съ народомъ Герценъ, конечно, не могъ.

Передъ Достоевскимъ наряду съ этой частью, создавшей слово «нигилизмъ» и выплотившейся въ его «Бѣсахъ»,—проходила и другая часть, будущіе нытики и чеховскіе сѣрые люди показывались уже въ отдаленіи, и даваемый ими тонъ жизни могъ быть услышанъ Достоевскимъ съ его психологической чуткостью и тонкостью душевныхъ воспріятій. Они-то и придавали особенный тонъ тѣмъ «ищущимъ», которые и составляли центръ молодого поколѣнія при Достоевскомъ. Въ нихъ онъ могъ видѣть, что 70-е годы хожденія въ народъ только подготовили почву того широкаго недовольства собой въ интеллигентномъ классѣ, которое обусловливало собою искренность и будущаго исканія. Предшествующіе имъ 60-е годы реализма и самоувѣренной гордости« трезвомыслящихъ» людей пронеслись въ обществѣ освѣжающей струей послѣ его утопическихъ мечтаній и прокладывали дорогу для дѣйствительнаго служенія народу. Герцену, слишкомъ близко подошедшему къ нимъ, не видна была эта чисто служебная роль данной эпохи, отсюда пессимистическій тонъ его послѣднихъ статей о молодежи, той молодежи, которая смѣнила ихъ славную плеяду и отъ которой они ждали продолженія своего дѣла, его болѣе осязательныхъ результатовъ; но молодое поколѣніе 60-хъ годовъ гордо отказалось отъ наслѣдства и предпочло явиться

въ свѣтъ, по замѣчанію Герцена, «въ чемъ мать родила». Здѣсь было не только разочарованіе для уходящихъ со сцены, но и кровная обида. Наслѣдствомъ, заброшеннымъ дѣтьми, воспользовались, однако внуки. На нихъ возлагалъ свою надежду Достоевскій, въ нихъ онъ видѣлъ залогъ той вѣры въ народъ, которой былъ одушевленъ самъ и съ которой по его мнѣнію можно будетъ сдѣлать чудеса.

Первымъ послѣдствіемъ ея, по словамъ Достоевскаго долженъ быть опросъ «сѣрыхъ зипуновъ» объ ихъ нуждахъ и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ въ первый разъ, можетъ быть, услышимъ настоящую правду». Для этого, по мнѣнію Достоевскаго не надо никакихъ великихъ сборовъ, спросить народъ можно по мѣстамъ, по уѣздамъ, по хижинамъ, «надо только соблюсти, чтобы высказался пока только мужикъ, одинъ только заправскій мужикъ». Даже кулакъ и міроѣдъ, прорвавшись сюда, землѣ не измѣнятъ и правдивое слово скажутъ, такова ужъ наша народная особенность» (984) *). Предоставленіе мѣста въ общемъ мнѣніи прежде всего мужику связано у Достоевскаго съ тѣми характерными особенностями этого народа, незнакомство съ которыми интеллигенціи можетъ повлечь великую ломку и путаницу въ народной жизни, если она примется за дѣло, не спросивъ его, не «оказавъ ему довѣрія». Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей Достоевскій тщательно вскрываетъ и отмѣчаетъ самъ,

Основной чертой его по мнѣнію Достоевскаго является способность болѣе всѣхъ другихъ народовъ «вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, снимающаго противорѣчія». Это ли не нравственная черта народа, и можно-ли послѣ этого, возмущается Достоевскій, считать народъ русскій косной массой, служащей лишь экономически «преуспѣянію и развитію европейской интеллигенціи нашей» (412). Основныя сокровища духа, категорически замѣчаетъ далѣе Достоевскій въ основной сущности своей, по крайней мѣрѣ, не зависятъ отъ экономической силы». Какъ на доказательство этого онъ въ другомъ мѣстѣ указываетъ на то, что Россія «во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ служила Европѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой», и это происходило, по его мнѣнію, не отъ неумѣнія нашихъ политиковъ, а отъ чисто русскаго, свойственнаго лишь нашему народу стремленія, «внести примиренія въ евро-

*) „Д. П.“ 1881 г.
*) „Д. П.“ 1881 г.

пейскія противорѣчія и въ результатѣ «изрѣчь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону» (431) *) Православіе у народа русскаго «вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего въ одну изъ тѣхъ основныхъ живыхъ силъ, безъ которыхъ не живутъ націи». Не даромъ онъ всю землю свою назвалъ христіанствомъ, «крестьянскомъ», замѣчаетъ здѣсь Достоевскій. Но въ русскомъ христіанствѣ, по его мнѣнію, даже и мистицизма нѣтъ, «въ немъ одно человѣколюбіе, одинъ Христовъ образъ, по крайней мѣрѣ, это главное». Ничего похожаго на «мрачный и жестокій» клерикализмъ Европы въ немъ нѣтъ, а слѣдовательно никакой опасности для теченія живой жизни въ немъ не предвидится (298). Но въ русскомъ человѣкѣ изъ простонародья» говоритъ Достоевскій, нужно умѣть отвлекать красоту его отъ наноснаго варварства» и «кто истинный другъ народа, у кого хоть разъ билось сердце по страданіямъ народа, тотъ пойметъ и извинитъ всю непроходимую наносную грязь, въ которую погруженъ народъ нашъ, и сумѣетъ отыскать въ этой грязи брилліанты» (49) **). Народъ русскій надо судить по мнѣнію Достоевскаго, «не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно вздыхаетъ» (49) ***). Фельдегерская тройка это прекрасный символъ, по мнѣнію Достоевскаго, исторіи русскаго народа: «тутъ каждый ударъ по скоту, такъ сказать, самъ собою выскакивалъ изъ каждаго удара по человѣку», униженіе человѣческаго достоинства въ самомъ народѣ вызывало неуваженіе къ нему и со стороны народа, пренебреженіе имъ въ самомъ себѣ: отсюда вся мерзость его, отсюда его порочность. Корень народный боленъ, но его болѣзнь не смертельна: эта болѣзнь «жажды правды, но не утоленная», сама собой ведущая къ оздоровленію, къ очищенію отъ наносной грязи порочности. «Онъ никогда не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду» и «въ высшія роковыя минуты свои» онъ, по словамъ Достоевскаго, всегда, рѣшалъ всенародное дѣло свое по христіански» (437). Но народъ «надо беречь», потому что въ безпокойствѣ своего искания онъ пойдетъ за каждымъ, кто съумѣетъ подойти къ нему, хотя бы то были и нигилисты.

*) „Д. П.“ 1881 г.
**) „Д. П.“ 1876 г.
***) „Д. П.“ 1876 г.

Въ этомъ Достоевскій видѣлъ великую опасность для будущаго и отъ нея предостерегалъ сознательную часть народа русскую интеллигенцію съ ея предвзятыми теоріями и формами. «Народъ нашъ, говоритъ Достоевскій, за формами не погонится, особенно за готовыми, чужеземными»; ему ихъ вовсе не надо, у него не то на умѣ, у него «особливый, совсѣмъ его собственный взглядъ на это дѣло». Особенность его политическаго организма заключается въ его единеніи съ царемъ. «Это дѣти царевы, дѣти заправскія, настоящія родныя, а царь ихъ отецъ». Только на основаніи такихъ отношеній возможна была, по мнѣнію Достоевскаго, крестьянская реформа, т. е. освобожденіе крестьянъ царемъ. Эта реформа въ свое время горячо привѣтствовалась и Герценомъ, и привѣтствовалась именно какъ актъ единенія царя съ народомъ, хотя отъ признанія отеческихъ отношеній царя къ народу за «адамантовое основаніе» раньше онъ былъ, какъ извѣстно, далекъ. Но она своею неожиданностью и своей величавой простотой всколыхнула весь прежній строй его мысли. «Ты побѣдилъ Галилеянинъ!» говоритъ онъ, обращаясь къ Императору Александру II-му.

Послѣ этого великаго историческаго акта единеніе царя съ народомъ для него уже кажется возможнымъ и онъ говоритъ о томъ, что наше правительство могло бы сдѣлать чудеса, опираясь съ одной стороны на народъ, съ другой на мыслящую часть общества. Въ этомъ признаніи сказалась вся сила любви Герцена къ народу русскому, ради блага котораго онъ готовъ былъ пожертвовать всѣми своими прежними вѣрованіями и убѣжденіями, защита которыхъ въ свое время обошлась ему дорого. Стараясь безпристрастно подойти къ народному духу, вѣрованіямъ и идеаламъ, Герценъ приходитъ къ заключенію, что «были люди, знавшіе русскую исторію, но русскаго народа не зналъ ни одинъ человѣкъ». Народъ, по мнѣнію Герцена, мало участвовалъ въ исторіи, онъ пробуждался иногда, являлся съ энергіей, какъ въ 1612, такъ и въ 1812 г., никогда не показывалъ ни малѣйшаго, построяющаго жизненнаго начала и удалялся пахать землю». Эта даль и безучастіе народа, соглашается Герценъ съ славянофилами, можетъ быть великимъ пророчествомъ. Условія, свойства русской жизни, русскаго быта, по мнѣнію Герцена свои, и онъ сѣтуетъ на то, что никто не хочетъ этого ни признать, ни изслѣдовать и даже ставятъ ему эту особенность въ преступленіе (221 т. 6-й). Какъ на одну изъ этихъ особенностей Герценъ указываетъ на «чрезвычайную легкость» принимать и усваивать себѣ плодъ чужого труда и не только легко, но и

ловко». Въ этомъ, по мнѣнію Герцена, состоитъ одна изъ гуманнѣйшихъ основъ нашего характера, заключающая въ себѣ въ то же время и значительный недостатокъ: «мы рѣдко имѣемъ способность выдержаннаго глубокаго труда». Этимъ объясняетъ Герценъ и нашу любовь къ подражанію Западной Европѣ. Но отмѣтивъ эту общую черту народнаго характера, присущую и интеллигенціи, Герценъ переходитъ и къ особенностямъ собственно народнымъ. При томъ онъ отмѣчаетъ, что ошибочныя сужденія о русскомъ народѣ въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ, вытекали изъ того, что судили о немъ по жизни государственной, политической, въ которой онъ не принималъ участія, а на народный, экономическій бытъ не обращали никакого вниманія.—Отсюда сужденія о народѣ, какъ о безмолвномъ рабѣ. «Неужели вамъ не приходило въ голову», обращается Герценъ къ подобнымъ судьямъ, «глядя на великороссійскаго мужика, на его умный, развязный видъ, на мужественныя красивыя черты, на его крѣпкое сложеніе, что въ немъ таится какая-нибудь иная сила, чѣмъ одно долготерпѣніе и безотвѣтная выносливость?» *). «Было рабство, но не было рабовъ», говоритъ объ этомъ же впослѣдствіи Достоевскій, формулируя такимъ образомъ тезисъ Пушкина. Въ сущности, «чтобы понять русскій народъ, не будучи русскимъ и притомъ русскимъ не запуганнымъ съ малыхъ лѣтъ своимъ ничтожествомъ и величіемъ запада, надобно быть, по мнѣнію Герцена, или соціалистомъ въ Европѣ, или гражданиномъ Сѣверной Америки», настолько все ново въ глубинѣ его духа, въ основаніяхъ его быта. Соціалистическія начала, по взгляду Герцена, лежатъ въ самомъ корнѣ его, осуществляются въ сельской общинѣ, этомъ народномъ сокровищѣ, единственномъ приданномъ Сандріліоны. Но отрицаніе личности, связанное съ общиннымъ устройствомъ осуществляется инымъ путемъ, оно входитъ въ русскую жизнь, по мнѣнію Герцена, въ лицѣ царя, «отрицающаго традиціи и національность, разрушающаго единство народное внутреннимъ расщепленіемъ» (320). Такимъ образомъ, два противорѣчивыя начала сплетаются здѣсь вмѣстѣ, уничтожая само-собою ту возможность страшнаго взрыва, которая такъ естественна при ихъ неожиданномъ и нежеланномъ столкновеніи.—«Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить свѣтское и волостное sef government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи,

*) стр. 223, т. 6 II.

т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада». Государство и отдѣльная личность, коммунизмъ и эгоизмъ, власть и свобода—эти «геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи» находятъ начала своего мирнаго сочетанія въ общинномъ бытѣ русскаго народа, въ его исторіи. «Какое это счастье для русскаго народа», восклицаетъ Герценъ, «что онъ остался внѣ всякихъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая несомнѣнно подкопала-бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія» (275). И не признаніе-ли великаго значенія общины было поворотнымъ пунктомъ у Герцена отъ западничества къ славянофильству, не оно-ли, главнымъ образомъ, заставило его попасть въ то мучительное положеніе—juste milieu—въ которомъ онъ оставался уже до конца? Онъ возмущается, когда говорятъ легко о разрушеніи сельской общины: «народъ русскій, говоритъ Герценъ, все вынесъ, но спасъ общину, община спасла народъ русскій; уничтожая ее вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ помѣщику, полиціи. И коснуться до нее въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству»! Возражая противъ положенія противниковъ общины, что она поглощаетъ личность, Герценъ говоритъ: «Всякій неразвитый коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо; но не надо забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнить этотъ недостатокъ» Вся мучительная задача нашего вѣка, весь соціализмъ, по мнѣнію Герцена, заключается въ вопросѣ,—«какъ сохранить независимость британца безъ людоѣдства, какъ развить личность крестьянина, безъ утраты общиннаго начала». Рѣшеніе этого вопроса Герценъ сильно склоненъ видѣть въ нашей сельской общинѣ, «съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землею, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла)». «Все это», говоритъ Герценъ, «находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо и пережило худшую эпоху» (335). «Общинное владѣніе, по мнѣнію Герцена, является тѣмъ громоотводомъ на нашемъ полѣ, который избавляетъ насъ отъ ужасовъ экономическаго переворота, предстоящихъ еще Западной Европѣ за отсутствіемъ въ ней подобныхъ началъ. «Улучшеніе быта собственниковъ въ Европѣ принесло исключительно пользу однимъ горожанамъ; для крестьянъ революція только окончательно уничтожила крѣпостное состояніе и раздробила поземельную собствен-

ность», говоритъ Герценъ и притомъ замѣчаетъ, что «раздѣлъ земли въ Россіи былъ-бы смертельнымъ ударомъ ея общинному устройству». Вообще въ своихъ послѣднихъ статьяхъ Герценъ предостерегаетъ отъ всякихъ крупныхъ и рискованныхъ переворотовъ въ строѣ народной жизни. Полная неопредѣленность и шаткость всѣхъ государственныхъ и общественныхъ элементовъ открывала великія возможности, большія надежды, но внушала страхъ за будущее, отъ котораго зависѣло воспользоваться этимъ такъ или иначе. Важно было найти то «адамантово основаніе», вокругъ котораго можно было-бы сгруппировать все остальное и притомъ такъ, чтобы оно могло свободно и легко развиваться и давало живые соки народной жизни. Въ поиски за этимъ основаніемъ уходятъ Герценъ и Достоевскій. Община для Герцена была великимъ откровеніемъ, она была для него зародышемъ новой политической формы, и какъ разъ въ то время, когда въ западно-европейскихъ онъ успѣлъ уже разочароваться, а его мысли, привыкшей къ извѣстнымъ политическимъ рамкамъ трудно было успокоиться на однѣхъ широкихъ нравственныхъ возможностяхъ. Для Достоевскаго община тоже была важна, но она интересовала его съ другой стороны; не съ политической, не съ формальной, а именно какъ одна изъ нравственныхъ возможностей общественной жизни. Достоевскій спасалъ въ ней индивидуальность отъ поглощенія общимъ, Герценъ общее отъ попранія его индивидуальнымъ. Словомъ, подходя къ общинѣ съ различныхъ сторонъ, они находили въ ней сочетаніе тѣхъ разнорѣчивыхъ элементовъ, примиреніе которыхъ въ теоріи они сдѣлали задачею своей жизни.

Тѣсная связь народа съ землей является основой его міровоззрѣнія и его быта. «Мы господскіе, а земля наша» вотъ изрѣченіе русскаго народа, на которое указываютъ оба наши писателя при своемъ проникновеніи въ глубь народной жизни и народныхъ идеаловъ. «Земля у него, говоритъ Достоевскій, прежде всего, въ основаніи всего, земля-все, а ужъ изъ земли у него и все остальное, т. е. и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и дѣтишки, и порядокъ, и церковь,—однимъ словомъ, все, что есть драгоцѣннаго. Вотъ изъ за формулы то этой онъ и такую вещь какъ община удержалъ» (265)... Изъ за этой же формулы, изъ за послѣдствія ея—общины Россія, по мнѣнію Герцены, можетъ сыграть великую роль въ обновленіи одрахлѣвшей Европы, въ страхѣ остановившейся передъ 3-мъ порогомъ исторіи—соціализмомъ. «Соціализмъ-революціонная идея,—пишетъ Герценъ,—можетъ у насъ сдѣлаться народной. Въ то время, какъ въ Европѣ

19866

Московская Центральная Публичная библиотека
Центральное хранилище Моск. Обл. Библиотеки

соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ напротивъ онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе» (323). «Мы средь него», говоритъ Герценъ, и указываетъ то, что освобожденіе крестьянъ съ землей есть уже начало великаго экономическаго переворота, въ который Россія вступила (стр. 3 т. V). Передъ соціальнымъ вопросомъ, по мнѣнію Герцена наше равенство съ Западной Европой, но въ другихъ его замѣткахъ о соціализмѣ, ясно проскальзываетъ вѣра въ то, что Россія пойдетъ дальше Европы, и, быть можетъ, поведетъ ее за собой. «Соціализмъ, говоритъ напр. Герценъ въ одной изъ своихъ статей, отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества». Россіи слѣдовательно придется отрѣшиться отъ преданій стараго міра и создать совершенно новыя взаимоотношенія между обществомъ и лицомъ, соотвѣтствующія новому строю, такъ какъ прежнія, по мнѣнію Герцена, должны быть совершенно измѣненны. Возвращаясь часто къ этому вопросу, заключающему въ себѣ его излюбленную идею соціализма, Герценъ постоянно указывалъ на то, что Россіи легче, чѣмъ кому-бы то ни было вступить на новый путь: у нея нѣтъ прошлаго, нѣтъ тѣхъ дорогихъ воспоминаній, которыя могли-бы стать святыней для души и отъ которыхъ такъ трудно оторваться, напр., Западной Европѣ, нѣтъ наконецъ и того господства личнаго начала надъ общимъ, его подавленія, къ которому склоняется южная Америка. И чѣмъ больше изслѣдовалъ родную почву Герценъ тѣмъ съ большей любовью обращалъ свой взоръ на далекую родину. Въ ней онъ видѣлъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній, съ которыми такъ грубо обошлась западно европейская суровая дѣйствительность, разрушивъ прежнюю вѣру въ нее. Можно сказать, что французская революція 1848 г. вернула Герцена Россіи, развернувъ въ своихъ послѣдствіяхъ передъ его глазами все страшное банкротство Западно Европейскаго міра предъ новой обновляющей міръ идеей. Отъ его проницательнаго взгляда не ускользнули всѣ скрытыя пружины процесса, совершающагося тогда и то страшное напряженіе дѣйствующихъ силъ, не согласующееся съ полученными результатами, послѣ котораго для него становилась ясна невозможность вынести тѣмъ-же силамъ новый, страшный кризисъ, стоящій уже у порога. При этомъ вообще надо замѣтить, что Герценъ былъ такимъ-же хорошимъ психологомъ политической жизни странъ, какъ Достоевскій отдѣльной личности. Психологическій анализъ былъ въ рукахъ у обоихъ и давалъ имъ возможность заглянуть глубоко и далеко въ будущее. При совершенно различныхъ взгля-

дахъ на многіе вопросы онъ приводилъ ихъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ въ основѣ. Такъ Достоевскій не только не испытываетъ благоовѣйное уваженіе передъ соціализмомъ, какъ Герцемъ а наоборотъ, возмущается имъ; заложенная въ соціализмъ увѣренность, что «положительная наука вполнѣ способна опредѣлить нравственныя границы между личностями единицъ и націй»—кажется ему безсмыслицей; соціализмъ по его опредѣленію «верхъ эгоизма, верхъ безчеловѣчія, верхъ экономической безтолковщины и безурядицы, верхъ клеветы на природу человѣческую, верхъ уничтоженія всякой свободы людей» (24 *). И пролетарія Западной Европы, въ его борьбѣ прельщаетъ «не соціализмъ самъ по себѣ, а грабежъ по пути». Но относясь отрицательно къ западно-европейскому соціализму, ничего не создавшему кромѣ буржуазной республики, купленной цѣною крови и жертвъ и далекой отъ какихъ-бы то ни было комунистическихъ началъ, Достоевскій, вкладывая въ это слово другое содержаніе, признаетъ его значеніе по отношенію къ Россіи, къ ея роли въ немъ. «Настоящее соціальное слово», говоритъ онъ, несетъ къ себѣ никто иной, какъ народъ нашъ», въ идеѣ его, въ духѣ заключается «живая потребность всеединенія человѣческаго, всеединенія уже съ полнымъ уваженіемъ къ національнымъ личностямъ и къ сохраненію полной свободы людей и съ указаніемъ, въ чемъ именно эта свобода и заключается—единеніе любви, *гарантированное* уже дѣломъ, живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ истиннаго братства, а не гильотиной, не милліонами отрубленныхъ головъ» (26 **).. Разрѣшеніе вопроса здѣсь Достоевскій видитъ въ постановкѣ вопроса нравственной христіанской, на которую способна только Россія. Самый соціализмъ у Достоевскаго это соціализмъ христіанства, болѣе близкій, дѣйствительно, къ духу народа создавшаго и сохранившаго общину, чѣмъ раціональный соціализмъ Герцена. Но выводъ во всякомъ случаѣ одинъ: новую фазу человѣческаго развитія по мнѣнію нашихъ писателей начнетъ Россія, русскій народъ.

Отсюда естественное опасеніе Герцена и Достоевскаго, чтобы Россія не пошла по западно-европейскому пути. Достоевскаго страшитъ при этомъ искаженіе духа народнаго, потеря народной индивидуальности; Герцена—безполезная, прямо безумная трата народныхъ силъ, которыя нужны для новаго дѣла и отъ свѣжести, здоровья которыхъ зависитъ будущее не одной Рос-

*) Д. П. 1877 г.
**) „Д. П“. 1877 г.

сіи, будущее человѣчества. «Россія, говоритъ Герценъ, продѣлала свою революціонную эмбріологію въ европейскомъ классѣ» и намъ нѣтъ нужды начинать все снова; «народу русскому незачѣмъ проливать кровь для достиженія тѣхъ полурѣшеній, до которыхъ дошла Европа, а съ нею и русская интеллигенція. «Мы», замѣчаетъ Герценъ объ этой интеллигенціи, «за народъ отбыли эту тягостную работу, мы поплатились за нее». Рѣшеніе тѣхъ новыхъ вопросовъ, до которыхъ при этомъ дошла интеллигенція — вотъ по мнѣнію Герцена дѣло русскаго народа. Трудный путь къ нему весь упалъ на плечи интеллигенціи, пусть-же не знаетъ его народъ: только такою цѣною могутъ искупиться тѣ «страшныя мученія, въ которыхъ», по словамъ Герцена «истощились, изныли два послѣднія поколѣнія».

Россія и Европа у Герцена стоятъ, какъ старый и новый міръ другъ передъ другомъ, это конецъ и начало. «Ничто въ Россіи, говоритъ Герценъ не имѣетъ того характера застоя и смерти, которые постоянно и утомительно встрѣчаются въ однообразныхъ повтореніяхъ у старыхъ народовъ Запада» (316). «Равенство рабства» въ Западной Европѣ у насъ замѣнено полной безалаберностью въ взаимоотношеніяхъ или абсурдными понятіями— остатками крѣпостного права, съ которыми, конечно, не такъ придется долго бороться, какъ съ «наглухо заколоченными» предразсудками западнаго человѣка, словно «параличемъ отбивающихъ половину его органовъ» (335). Нѣтъ у насъ, по мнѣнію Герцена, и тѣхъ гранитныхъ преградъ между сословіями, которыя во всей цѣлости сохраняются въ Западной Европѣ, несмотря на страшную силу пронесшихся тамъ демократическихъ теченій. «Шереметьевы и Голицыны со всѣми ихъ дворцами и помѣщеніями, говоритъ Герценъ ничѣмъ не отличались отъ своихъ крестьянъ, кромѣ нѣмецкаго кафтана, французской грамоты, царской милости и богатства» (т. III-й 345). Свободную мысль, которую давило у насъ правительство, представляющее вмѣстѣ съ дворянствомъ, по замѣчанію Герцена, «европейское государство въ славянскомъ, на Западѣ преслѣдовало само общество. Это заставило Герцена остановиться съ горькимъ вопросомъ: «неужели только народъ, неспособный къ *внутренней* свободѣ, можетъ достигнуть свободныхъ учрежденій»? (т. III 375). Эти свободныя учрежденія ничего не даютъ тому, кто пролилъ изъ-за нихъ потоки крови, народъ въ рукахъ мѣщанъ, купцовъ, которые по прежнему не даютъ ему свободно вздохнуть. Мѣщанство проѣло организмъ стараго міра, сдѣлало его банкротомъ передъ задачей соціализма, какъ со стороны его свободныхъ безъ

свободы учрежденій, такъ и со стороны внутренняго содержанія западно-европейскаго общества, развивъ въ немъ свою нравственность «низшаго порядка»; это та «изъ глуби поднимающаяся, тонкая, нервная, умная роковая безнравственность, которой разлагаются, страдаютъ и умираютъ образованные слои западной жизни» (383), и которой у насъ по взгляду Герцена не существуетъ. Одно ужъ то, что соціальный вопросъ въ Россіи предшествовалъ политическимъ, а не наоборотъ, какъ въ Западной Европѣ, говоритъ о совершенно новомъ строѣ жизни, не похожемъ на европейскій, о новыхъ возможностяхъ въ немъ, замѣчаетъ Герценъ. Достоевскій, конечно, не зналъ и не могъ знать такъ Европу, какъ зналъ ее Герценъ. Его возраженія противъ европейскаго переучиванія Россіи опираются болѣе на его интуитивное чувство, чѣмъ на доводы и доказательства, да и трудно иначе при той чисто-нравственной постановкѣ вопроса, которую мы встрѣчаемъ у него. Экономической силѣ Запада онъ противопоставляетъ силу нравственную народа русскаго, «то духовное единеніе, котораго, конечно, въ Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть, а стало быть уже посему нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать, что и нищая» (412 *). Въ Европѣ же «гдѣ накоплено столько богатствъ», по замѣчанію Достоевскаго, «все подкопано и, можетъ быть, завтра-же рухнетъ безслѣдно во вѣки вѣковъ, а взамѣнъ наступитъ нѣчто неслыханно-новое, ни на что прежнее не похожее». (412 *). Подобныя признанія изжитости западно-европейскихъ формъ, западно-европейскаго быта—были страшно важны для Россіи, еще не вступившей на опредѣленный путь. Можно сказать, что отъ ея отношенія къ Западной Европѣ зависѣлъ ея дальнѣйшій путь, все ея будущее. Поглотитъ-ли ее старый міръ и потащитъ за собою въ бездну или она совладаетъ съ его болѣзнями и властно повлечетъ его за собою—такимъ именно представлялся вопросъ объ этихъ отношеніяхъ Герцену и Достоевскому. Отсюда-же изъ различнаго рѣшенія этого вопроса исходила борьба западниковъ и славянофиловъ, разбившая интеллигенцію на два враждебные стана, дожившіе въ своихъ видоизмѣненіяхъ до нашего времени. Герценъ и Достоевскій, какъ ихъ представители, бросаютъ въ своихъ замѣчаніяхъ яркій свѣтъ на эту борьбу, а вмѣстѣ съ ними на руководящія, проникнувшія въ сознаніе русской интеллигенціи, идеи. Герценъ присутствовалъ при самомъ началѣ этой борьбы, видѣлъ, какъ она загора-

*) „Д. В.“ 1881й г.

лась, самъ принималъ въ ней дѣятельное участіе, что не мѣшало ему, однако, прослѣдить всѣ фазы этой борьбы и въ результатѣ смѣло сказать своимъ прежнимъ единомышленникамъ: «живые, т. е. измѣняющіеся теченіемъ времени, мы стали гораздо ближе къ московскимъ славянофиламъ, чѣмъ къ западнымъ старообрядцамъ, къ русскимъ нѣмцамъ во всѣхъ родахъ различныхъ» (265 *). Въ прежнемъ направленіи, которое онъ раньше называлъ безумнымъ, Герценъ усматриваетъ то «чаяніе будущаго вѣка», котораго не было у западничества, лишеннаго черезъ то будущности. Разочарованіе въ западничествѣ приходитъ къ нему вмѣстѣ съ его разочарованіемъ въ Западной Европѣ.

Всматриваясь ближе въ различныя взаимоотношенія западниковъ, Герценъ приходитъ къ заключенію, что «не только правительство противъ нихъ, но и народъ не съ ними» (343). И это для него понятно: духа народнаго западники никогда не знали, сокровище его, зерно его будущаго развитія—сельскую общину они проглядѣли. Герценъ обвиняетъ при этомъ славянофиловъ, что они помѣшали имъ за дымомъ ладана разглядѣть народъ русскій и основы его быта, но не можетъ не признать что славянофильство гораздо ближе стояло къ народному корню даже въ своемъ византизмѣ, чѣмъ они, западники, съ своимъ увлеченіемъ европейскими формами. «Мы», говоритъ Герценъ, «не понимали (да и они сначала сознательно не понимали), что у нихъ, какъ у старовѣровъ, подъ археологическими обрядами бился живой зародышъ, что они, повидимому, защищая одинъ вздоръ, въ сущности отстаивали въ уродливой формѣ—*вѣру въ народную жизнь*! (264). «Вопросъ объ общинномъ владѣніи вывелъ ихъ, говоритъ Герценъ, изъ церкви и изъ лѣтописей на пашню». На этомъ-то пунктѣ, по мнѣнію Герцена, партіи обмѣнялись ролями: люди прогресса западники—стали консерваторами, «старообрядцами реформы», а консерваторы славянофилы достигаютъ «высвобожденія мысли и истины отъ обязательныхъ колодокъ нѣмецкой работы, набитыхъ на нашъ умъ западнымъ воззрѣніемъ» (265 **). Вмѣстѣ съ подобнымъ измѣненіемъ въ роляхъ мѣняется и отношеніе къ тѣмъ и другимъ у Герцена создавшее его мучительное juste milieu. Онъ по собственному признанію сталъ спорить съ западомъ во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ спорилъ раньше съ славянофилами (384 *). Но примкнуть вполнѣ къ славянофильству онъ никогда не могъ

*) Т. 6-й.
**) Т. 6-й.

и самъ указалъ на границы ихъ раздѣляющія: «Для васъ», говорилъ онъ славянофиламъ «русскій народъ преимущественно народъ *православный*, т. е. наиболѣе христіанскій, наиближайшій къ *вѣси небесной*. Для насъ русскій народъ преимущественно *соціальный*, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороной того экономическаго устройства, той *земной вѣси*, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія» (382 *). Слово «для насъ» Герценъ въ данномъ случаѣ относилъ, конечно, не къ западникамъ, а только къ себѣ и къ своимъ единомышленникамъ; границу же между славянофилами и западниками опредѣляетъ Достоевскій. Указывая на то, что славянофилы и западники сошлись въ результатѣ на одной мысли, что теперь нужно всего ожидать отъ народа, Достоевскій замѣчаетъ: «славянофилы вѣрятъ въ народъ, потому что допускаютъ въ немъ свои собственныя, ему свойственныя начала, а западники *соглашаются вѣрить* въ народъ единственно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы у н его не было никакихъ своихъ собственныхъ началъ» (46 **) Конечно, въ самой рѣзкости опредѣленія передъ нами стоитъ человѣкъ партіи, но здѣсь же намѣчается существенная разность обоихъ направленій. Ошибка западниковъ состояла, по мнѣнію Достоевскаго, въ томъ, что они смѣшали Россію съ Европой, и отрицая Европу и порядокъ ея, думали, что то же самое отрицаніе можно приложить и къ Россіи, тогда какъ Россія вовсе была не Европа, а только ходила въ европейскомъ мундирѣ, но подъ мундиромъ было совсѣмъ другое существо», которое и приглашали, по его словамъ, разглядѣть славянофилы. Но Достоевскій увѣренъ, что наши соціалисты и комунары «кончатъ тѣмъ, что станутъ опять коренными, славными русскими» (46 ***) Приступая къ опредѣленію славянофильства его идей и ихъ значенія, Достоевскій указываетъ три отраженія ихъ въ общественномъ сознаніи; для однихъ славянофильство, какъ для Бѣлинскаго, означаетъ квасъ и рѣдьку; для другихъ стремленіе къ освобожденію и объединенію всѣхъ славянъ подъ верховенствомъ Россіи и наконецъ для третьихъ, кромѣ этого, вѣрующихъ въ то, что Россія «скажетъ всему міру, всему европейскому человѣчеству и цивилизаціи его свое новое, здоровое и еще неслыханное міромъ слово», соединяющее все человѣчество (226 ****). Въ этомъ послѣднемъ видѣ принималъ славянофильство Достоевскій. Въ

*) Т. 6-й.
** Д. П. 1876.
***) Д. П. 1877.
****) Д. П. 1876.

общемъ западничество и славянофильство сыграло огромную роль въ самосознаніи русскаго общества. Они заставили его заняться самоанализомъ, сдѣлали его наблюдательнѣе и повысили его нравственныя требованія къ себѣ. Быть можетъ ни у какихъ другихъ партій и ни въ какой другой странѣ не проявлялось такого горячаго и искренняго стремленія къ тому, чтобы и въ самой борьбѣ оставаться чистыми. Тактическіе пріемы борьбы съ ихъ условной честностью гордо отбрасываются обѣими сторонами, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Самая борьба западниковъ и славянофиловъ носитъ чисто теоретическій характеръ и крайній славянофилъ Аксаковъ со слезами обнимаетъ крайняго западника Герцена, прощаясь съ нимъ при раздѣлѣ на партіи. Любовь и уваженіе другъ къ другу лучшихъ представителей той и другой стороны могли служить лучшимъ доказательствомъ культурности русской интеллигенціи и подтвержденіемъ вѣры въ будущее всесоединеніе. Да и какъ могли они не любить и не уважать другъ друга, когда посвящали силы на служеніе одному дѣлу—будущему русскаго народа—только пути ихъ были различны!

Другая крупная заслуга славянофильства и западничества носитъ чисто-историческій характеръ—это всестороннее освѣщеніе петровской реформы и ея значенія въ русской жизни—самознаніе, обращенное къ прошлому и несущее въ себѣ послѣдствія для будущаго: «Петербургскій періодъ», говоритъ Герценъ, «тяжкій искусъ, трудное воспитаніе въ государственную жизнь. Онъ насильно сдѣлалъ большую пользу Россіи, соединивъ части ея, спаявъ ихъ въ одно цѣлое» (317). «Выросши Русь», по мнѣнію Герцена, начинала входить, несмотря на юность въ маразмъ и ее ждало или разложеніе, или искупленіе извнѣ. Это искупленіе принесъ съ собой изъ Запада Петръ I-й (109). Защищая петровскую реформу отъ нападокъ на нее славянофиловъ, Герценъ говоритъ, что при многомъ скорбномъ внесеннаго имъ разъединенія, которое не можетъ не признать и онъ, «отсюда все, что у насъ есть: смѣлое государственное развитіе, выступленіе на сцену Руси, какъ политической личности, выступленіе русскихъ личностей въ народъ». Отсюда же намѣчаетъ онъ и пробужденіе мысли, ея развитіе и, наконецъ, даже «вѣру въ нашу національность» (14). Но при всѣхъ этихъ указаніяхъ на громадную пользу петровской реформы Герценъ не можетъ закрыть глаза и на тотъ вредъ, который внесла она съ собою въ русскую жизнь. Взглядъ на это уже принадлежитъ тому времени, когда онъ издалека могъ безпристрастнѣе судить о многомъ въ рус-

ской жизни и въ ея исторіи. «Онъ», замѣчаетъ Герценъ о Петрѣ, «дѣлалъ просѣку въ дичи и, разумѣется, зря порубилъ хорошее рядомъ съ дурнымъ». Съ петровской реформы, по мнѣнію Герцена, начинается новый актъ трагедіи: народъ русскій расторгается на двѣ части: «одну нѣмую, другую постороннюю народу, безхарактерную» (110). «Рабство, говоритъ онъ дальше, у насъ увеличилось съ образованіемъ; государство росло, улучшалось, но лицо не выигрывало; напротивъ, чѣмъ сильнѣе становилось государство, тѣмъ слабѣе лицо. Если-бы Россія не была такъ пространна, если бы чужеземное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ безпорядочно выполнено, то безъ переувеличенія можно сказать, что въ Россіи нельзя было-бы жить ни одному человѣку, понимающему сколько-нибудь свое достоинство» (171). «Европеизмъ въ наружности и совершенное отсутствіе человѣчности внутри,—таковъ характеръ современности, идущій отъ Петра» (79). И въ результатѣ «для того, чтобы продолжать Петровское дѣло по Герцену, надобно государю такъ-же откровенно отречься отъ петербургскаго періода, какъ Петръ отрекся отъ московскаго» (177). Признавая необходимымъ для Россіи то сближеніе съ Европой, которое принесъ ей Петръ В., Герценъ сознаетъ однако всю опасность, которая угрожала отъ этого сближенія намъ и въ страхѣ передъ которой ненавидѣли петровскую реформу славянофилы. Опасность была въ томъ, что, продолжая петровскую реформу внутри, «мы разбили-бы неказистые крестьянскіе ларцы, единственное наслѣдіе наше: но мы счастливо отдѣлались отъ этого потому, что встрѣтились съ Западной Европой поздно, когда она сама извѣрилась въ себя. Петръ I, по мнѣнію Герцена, «задержалъ своимъ хлороформомъ» народную жизнь на время операціи и перевязокъ, но онъ не разрушилъ ея элементовъ не только въ податной Руси, но и въ неподатной». Въ результатѣ русскій геній догналъ теоретическую мысль Запада и разошелся съ ея практическимъ приложеніемъ, потому что «онъ въ своей народной совѣсти не находилъ тѣхъ граней и препятствій, о которыя спотыкалась Европа» (297).

Безпристрастное освѣщеніе того, что служило костью раздора двухъ лагерей со стороны Герцена встрѣтило впослѣдствіи откликъ въ беспристрастномъ освѣщеніи того-же у Достоевскаго. Правда, онъ окрашиваетъ его въ субъективный оттѣнокъ, но тѣмъ не менѣе останавливается на признаніи, что «Россія въ замкнутости своей готовилась быть не права». Это важное признаніе со стороны приверженца славянофильства, видящаго

часто свой идеалъ въ Московской Руси съ ея китайскою обособленностью. Петровской реформѣ онъ придаетъ значеніе «безпримѣрнаго расширенія взгляда», толкнувшаго насъ на тотъ путь, по которому мы выполнимъ предназначенную роль—явимся «слугами для всеобщаго примиренія» и соединенія (206—7).

Взглядъ на петровскую реформу въ значительной мѣрѣ, конечно, вытекалъ не только изъ національнаго самолюбія, направленнаго въ ту или другую сторону, а и изъ самого взгляда на Европу. Герценъ пересталъ быть ярымъ западникомъ и поклонникомъ петровской реформы съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ, что «государственныя формы Франціи и другихъ европейскихъ державъ не совмѣстимы по внутреннему своему понятію ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ». Онъ говоритъ, что у него вкусъ притупился и онъ не умѣетъ различать тонкостей; «которое рабство хуже, которое лучше», «что притѣснительнѣй: *честная* республика или *честная* монархія, революціонный консерватизмъ Радецкаго или консервативная революціонность Кавеньяка, что пошлѣе—квакеры или іезуиты, что хуже розги или краподина». Съ обѣихъ сторонъ рабство, съ одной хитрое, прикрытое именемъ свободы и, слѣдственно опасное; съ другой—дикое, животное и, слѣдственно, бросающіеся въ глаза (217). «Европа», говоритъ Герценъ, въ другомъ мѣстѣ «погружена въ глубокій, душный мракъ наканунѣ рѣшительной битвы. Это не жизнь, а тяжкое, тревожное томленіе. Ни законности, ни правды, ни даже личины свободы; вездѣ неограниченное господство свѣтской инквизиціи; вмѣсто законнаго порядка осадное положеніе. Одинаковый нравственный двигатель управляетъ всѣмъ—страхъ—и его достаточно» (264). О революціяхъ Герценъ замѣчаетъ, что они взошли внутрь европейской жизни, но только сбили понятія, а «историческій валъ естественнымъ чередомъ выплеснулъ на главную сцену тинистый слой мѣщанъ, покрывшій собою ископаемый классъ аристократій и затмившій народные всходы **). Здѣсь-же Герценъ говоритъ о томъ, что мѣщанство несовмѣстимо съ нашимъ характеромъ, что съ одной стороны мы больше художники, съ другой—гораздо проще западныхъ людей, «не имѣемъ спеціальности, но за то многостороннѣе ихъ» (239). Какъ на характерную черту европейца Герценъ указываетъ на упрямое, произвольное непониманіе, которое «такъ и стучится головой о придѣлъ міра завершеннаго»

*) Т. 6-й.
**) «Д. П.» 1876 г.

(239), тогда какъ наши теоретическія несогласія вносятъ только болѣе жизненный интересъ. «Люди вѣры, продолжаетъ дальше эту характеристику Герценъ,—они ненавидятъ анализъ сомнѣнія, люди заговоровъ они все дѣлаютъ сообща и изъ всего дѣлаютъ интересъ партіи. Независимый умъ имъ ненавистенъ, какъ мятежникъ». Относя послѣднее главнымъ образомъ къ французамъ, Герценъ замѣчаетъ: «на этомъ галльскомъ чувствѣ, стремящемся снять личность стадомъ, основано ихъ пристрастіе къ приравниванію, къ единству военнаго строя, къ централизаціи, т. е. къ деспотизму». Относительно прославленнаго вольнодумства французовъ Герценъ замѣчаетъ: «Они, какъ петерб. цензоръ, позволяютъ шутить надъ титулярнымъ совѣтникомъ, но тайнаго—не тронь». «Не любитъ романскій міръ свободы», заключаетъ эту характеристику Герценъ, онъ любитъ только домогаться ея: силы на освобожденіе онъ иногда находитъ, на свободу—никогда» (160). Но не лучше его и Англія съ своими приходо-расходными книгами, готовящаяся въ своемъ довольствѣ стать, по замѣчанію Герцена, будущимъ Китаемъ, ни Америка бросающая счетную книгу только для того, чтобы заняться верченіемъ столовъ. О ближайшей сосѣдкѣ Россіи Германіи нечего было, конечно, и говорить. Настоящаго отношенія между людьми, по мнѣнію Герцена, въ Западной Европѣ не было раскрыто; это и «способствовало развитію всѣхъ мелкихъ и дурныхъ сторонъ мѣщанства подъ всемогущимъ вліяніемъ ничѣмъ необузданнаго стяжанія» (104) *). Всѣ партіи и отношенія подраздѣлились здѣсь въ результатѣ на двѣ части: мѣщанъ имущихъ, собственниковъ и мѣщанъ неимущихъ; «съ одной стороны—скупость, съ другой—зависть». Даже политическій вопросъ съ 1830 г., по словамъ Герцена, дѣлается исключительно вопросомъ мѣщанскимъ. Въ результатѣ Герценъ останавливается на признаніи, что «историческія формы западной жизни въ одно и то же время будучи несравненно выше политическаго устройства Россіи не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманію» **) (278). Страшный неразрѣшимый сфинксъ, передъ которымъ остановилась Европа послѣ всѣхъ реформацій и революцій—это, по мнѣнію Герцена, поземельная собственность и

---

*) Мѣщанское устройство, по мнѣнію Герцена, всетаки, представляетъ огромный успѣхъ сравнительно съ олигархическо-военнымъ, но дѣло въ томъ, что для Европы, и въ особенности для англо-германской оно представляетъ не только огромный успѣхъ, но и успѣхъ *достаточный* (393, т. III).

**) Т. 6-й.

пролетаріатъ, капиталъ и работникъ. «Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства ничего не устраиваютъ, ничего не предупреждаютъ» и «хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей сильнѣе и сильнѣе поетъ ліонскій припѣвъ: «свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу»!

Этотъ странный сфинксъ создала сама исторія Западной Европы, величественно прошедшая мимо народа, котораго она не спросила ни о цѣляхъ, ни о задачахъ своихъ, но силами котораго не преминула воспользоваться. Неуваженіе къ его коллективной личности и создало то странное положеніе, по которому, говоритъ Герценъ, «желая возстановить свободу народа и признать его совершеннолѣтнимъ, для скорости обращались съ нимъ, какъ съ матеріаломъ благосостоянія, какъ съ мясомъ освобожденія» (327) *).

Банкротство Европы передъ вопросомъ нравственнымъ, политическимъ и экономическимъ могло-бы, по Герцену, служить намъ предупрежденіемъ и указаніемъ другого пути мимо подводныхъ камней, на которые наткнулась въ своемъ развитіи Европа; тѣмъ болѣе, что у Россіи есть силы начать новую жизнь, что она хранитъ въ себѣ мирное рѣшеніе роковыхъ для Запада вопросовъ; начало новой жизни и рѣшеніе этихъ вопросовъ въ общинѣ. Отъ развитія ея отъ умѣнія воспользоваться ея элементами зависитъ будущее не одной Россіи. Но «мы должны уважать и цѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которое такъ много даетъ намъ теперь», говоритъ Герценъ. Онъ признаетъ нужными для насъ западно-европейскія идеи, потому что «Россія съ ними и только съ ними можетъ быть введена во владѣніе той доли наслѣдства, которая ей теперь достается», а наслѣдство это необходимо для того, чтобы, не возвращаясь назадъ, проложить путь дальше. Таковъ, сказали-бы мы, всегда ходъ цивилизаціи, культуры; только на воспринимаміи усвоеннаго и на своихъ опытахъ, представляющихъ не повтореніе пройденнаго, а свое дальнѣйшее развитіе на основаніи его, и возможенъ ходъ человѣчества впередъ.

Уважать «скорбное и трудное» призваніе Европы училъ насъ и Достоевскій, не смотря на свое еще болѣе отрицательное чѣмъ у Герцена отношеніе къ ней, исходящее изъ идеи націонализма которую подавляла Европа у насъ, и изъ того нравственнаго банкротства ея, которое съ точки зрѣнія чистой этики особенно

*) т. 6.

рѣзко бросалось въ глаза нашему великому психологу. «Гражданскіе идеалы всегда прямо и органически связаны съ идеалами нравственными, а главное то, что несомнѣнно изъ нихъ только однихъ и выходятъ» *), говоритъ Достоевскій. «А стало-быть», продолжаетъ онъ дальше, «самосовершенствованіе въ духѣ религіозномъ» въ жизни народовъ есть основаніе всему, ибо самосовершенствованіе и есть исповѣданіе полученной религіи, а «гражданскіе идеалы» сами, безъ этого стремленія къ самосовершенствованію, никогда не приходятъ, да и зародиться не могутъ» (452) **). Между тѣмъ въ «муравейникѣ безъ Христа и безъ Церкви», какъ называетъ Европу Достоевскій, это стремленіе подавлено государствомъ. Здѣсь, по его словамъ, «произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій Христа. Явился компромиссъ: Имперія приняла Христіанство, а Церковь римское право и государство» (455).

Въ Западной половинѣ Церковь перевоплотилась уже окончательно въ Государство. Отсюда преимущество передъ ней нашего народа, являющагося носителемъ Христа (крестьяне-христіане).

Какъ на одинъ изъ симптомовъ повсемѣстнаго, общаго и ужаснаго паденія Европы, Достоевскій указываетъ на тотъ-же пролетаріатъ, на который указывалъ и Герценъ. «Грядетъ четвертое сословіе, стучится и ломится въ дверь», говоритъ онъ, «и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякъ доселѣ бывшій законъ. На компромиссъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочки только разжигаютъ, а оно хочетъ всего» (453).

Подъ напоромъ его рухнутъ, по мнѣнію Достоевскаго, всѣ эти парламентаризмы, всѣ, исповѣдываемыя теперь, гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки» и т. д.

«Волны разобьются лишь о нашъ берегъ». Появленіе пролетаріата у насъ какъ для Достоевскаго, такъ и для Герцена, казалось чѣмъ-то немыслимымъ при существованіи общины. Къ тому-же пролетаріатъ у насъ, судя по брошенному вскользь замѣчанію Герцена, не казался и страшенъ. Это былъ-бы тотъ пролетаріатъ полей, который, по его мнѣнію, никогда не пойдетъ

---

*) Д. П. 1881-го г.
**) Д П. 1881-го г.

на такую кровавую расправу, какъ городской пролетаріатъ, въ постоянномъ треніи другъ о друга вырабатывающій свое ожесточеніе. Народомъ будущаго какъ у насъ, такъ и на Западѣ, Герценъ считаетъ сельское народонаселеніе. «Въ этомъ отсталомъ, но крѣпкомъ мышцами кряжѣ», говоритъ онъ о немъ, «осталась бездна родоначальныхъ силъ; оно въ своей бѣдности и ограниченности не такъ истощало, не такъ обносилось, не такъ покрылось пылью, какъ городской пролетаріатъ и мелкое мѣщанство». Цивилизація пронеслась мимо сельскаго населенія, но за то, тѣмъ самымъ, «спасла его отъ пошлаго полуобразованія и оставила при своей самобытности и простой поэзіи во всемъ» (277) *). Останется-ли только сельское населеніе у насъ такимъ надолго, не своротитъ-ли русскій народъ съ своей дороги и не пойдетъ-ли вслѣдъ за развитіемъ и преобладаніемъ городского сословія на Западѣ, оставивъ поля и наполнивъ мастерскія и фабрики—вопросъ этотъ, очевидно, задавалъ себѣ и Герценъ, по крайней мѣрѣ при постоянномъ подчеркиваніи имъ значенія сельскаго населенія у насъ съ его общиной только къ нему можно отнести его слова: «трудно своротить народъ русскій съ его родной дороги, онъ упрется, ляжетъ на ней, врастетъ въ землю и притаится спящимъ, мертвымъ». доказательствомъ этого, по его мнѣнію, служитъ петровская форма. Но въ важные моменты исторической жизни Россіи, по его-же замѣчанію, у насъ никогда не обходилось безъ народа, и это надо имѣть въ виду нашей интеллигенціи, съ этимъ надо считаться при строеніи будущаго. На это-же обратилъ вниманіе и Герценъ. Если въ интеллигентномъ классѣ «нельзя себѣ представить менѣе религіознаго воспитанія, чѣмъ наше», то при своемъ приближеніи къ народу оно должно принять въ себя именно этотъ религіозный элементъ. «Доселѣ», замѣчаетъ Герценъ съ народомъ можно говорить только черезъ Священное Писаніе и, надобно замѣтить, соціальная сторона христіанства всего менѣе развита. Евангеліе должно взойти въ жизнь, оно должно дать ту индивидуальность, которая готова на братство» (114).

Такимъ образомъ при внимательномъ и безпристрасномъ по возможности взглядѣ на русскую жизнь, русскій народъ и его, исторію Герценъ приходитъ къ тѣмъ же почти заключеніямъ что и Достоевскій: 1) для того, чтобы говорить съ народомъ на понятномъ ему языкѣ интеллигенція должна обратиться къ религіознымъ понятіямъ народа и черезъ нихъ только она найдетъ

*) т. 6-й.

ходъ въ его душу, въ нихъ найдетъ давно искомую связь съ нимъ; 2) въ христіанствѣ (по Достоевскому, съуживающему понятіе—въ православіи) заложены великія начала соціализма, основываясь на которыхъ можно произвести новый гражданскій и экономическій переворотъ, не имѣющій ничегообщаго съ старымъ міромъ, исходящимъ изъ римскихъ и древне-греческихъ преданій, которыя уже окончательно выродились въ его формахъ и ждутъ на свою смѣну новыхъ. Христіанство, внесшее свои элементы въ нравственный міръ человѣка и оторвавшее его отъ стараго строя жизни, должно произвести коренную перестройку въ этомъ строѣ, отбросивъ все негодное и одряхлѣвшее сообразно съ новымъ нравственнымъ обликомъ, который оно дало человѣчеству. 3) Съ русскимъ народомъ можно говорить только на языкѣ его религіи, онъ носитель христіанства (по Герцену), православія (по Достоевскому), хранящему въ себѣ глубокія и живыя основы соціализма, а слѣдовательно къ строенію новаго будущаго наиболѣе приспособленъ. Онъ, а не кто иной, призванъ обновить старый міръ, съ разлагающимися элементами котораго онъ не имѣетъ ничего общаго. Вся исторія Россіи, какъ для Герцена, такъ и для Достоевскаго представлялась въ будущемъ и именно въ будущемъ простого народа, чуждаго того «лакейства мысли», какъ говоритъ Герценъ, которымъ заражена большая часть интеллитенціи, вкусившая отъ западно-европейскихъ благъ и привыкшая пользоваться готовымъ и въ жизни и въ теоріи. Эта интеллигенція уже не можетъ оторваться отъ разъ принятыхъ рубрикъ, она не свободна, она раба, связанная западно-европейскими формами, изъ заколдованнаго круга которыхъ ей не выйти безъ народа, безъ довѣрія и уваженія къ нему къ его коллективной личности, развитію которой она должна предоставить свободу. «Метода просвѣщенія и освобожденія, придуманныхъ за спиною народа, говоритъ Герценъ, и втѣсняющихъ ему его неотъемлимыя права и его благосостояніе топоромъ и кнутомъ исчерпана Петромъ I-мъ и французскимъ терроромъ» (327). Необходимо призвать самъ народъ къ участію въ строеніи жизни, въ строеніи государственныхъ и общественныхъ формъ, иначе, созданныя помимо его, онѣ и пройдутъ мимо его, ничего существенно не измѣняя и превращая нашъ трудъ безъ него въ работу Данаидъ.

Только уваженіемъ къ народу, по мнѣнію Достоевскаго, докажетъ наша интеллигенція и свое уваженіе къ человѣческому достоинству вообще и своему въ частности. «Сдѣлаться человѣкомъ нельзя разомъ, надо выдѣляться въ человѣка. Тутъ дис-

циплина», говоритъ Достоевскій, и вотъ этой-то дисциплины и не выдерживала наша интеллигенція, какъ только подходила къ очеловѣчиванію другихъ. Она или по рабски преклонялась передъ народомъ, возводила его на пьедесталъ, какъ замѣтилъ и Герценъ, или въ озлобленіи бросала въ него камнями своего гордаго презрѣнія и почти ненависти. Медленно назрѣвалъ третій актъ нашихъ взаимоотношеній, который не былъ еще виденъ Герцену, но который уже предчувствовалъ Достоевскій, говоря о такомъ сліяніи съ народомъ интеллигенціи, при которомъ они полюбили-бы не только другъ друга, какъ братъ брата, а восприняли-бы въ себя то, что дорого каждому изъ нихъ, такъ какъ только тогда любовь эта была-бы прочна, потому что она была-бы основана на уваженіи взаимномъ. Этотъ третій актъ уже начинается. Занавѣсъ поднятъ. Будутъ-ли выдержаны роли до конца? Отъ этого зависитъ окончаніе драмы, длившейся столько времени, драмы русской интеллигенціи и русскаго народа, отъ этого зависитъ исторія Россіи, ея будущее и направленіе будущихъ свѣточей ея самосознанія.

Т. Ганжулевичъ.

Центральное книгохранилище
Моск. Обл. Библиотеки

Московская Центральная
Публичная Библиотека